

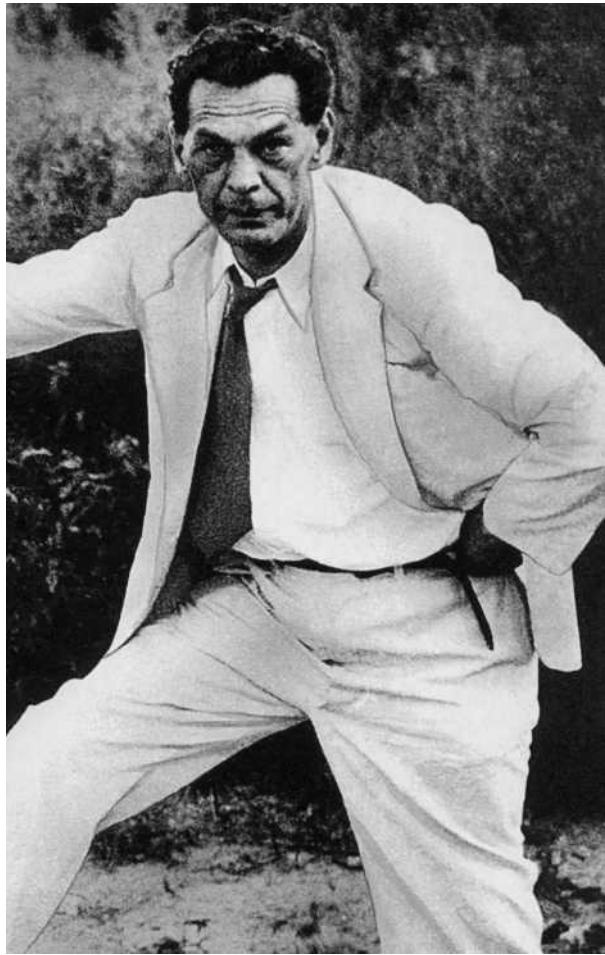
ОШИБКА РЕЗИДЕНТА

Доктор политических наук, член Национал-социалистической рабочей партии Германии, корреспондент «Берлинер берзенцайтунг» и «Франкфуртер цайтунг», гражданин Германии арийского происхождения Рихард Зорге появился на свет в 1933 году. В момент рождения ему было... 38 лет.

Тогда же исчез член ВКП(б), сотрудник аппарата Коминтерна, постоянный автор журнала «Коммунистический интернационал» товарищ Зорге (журналистский псевдоним — К. Зонтер) — его место в редакции занял другой человек.

Жена, которой Зорге сказал, что они обязательно увидятся через несколько лет, верила и ждала. Первого числа каждого месяца товарищи мужа приносили Екатерине Максимовой небольшое пособие. Время от времени еще один сотрудник доставлял ей долгожданное письмо.

Зорге приезжает в Шанхай, затем — в Германию, обрастает знакомствами, флиртует. Новые друзья считают его талантливым журналистом и международным плейбоем

дочитал письмо уже даже не деревянным, а металлическим голосом:

— «Для нас двоих настанет время, когда все наконец станет просто и ясно. Но нужно еще немного терпения. Будь здорова, дорогая, а я попытаюсь снова написать тебе, прежде чем наступит долгое молчание».

Мерно тикали часы, женщина сидела и думала, гостю стало неловко. Он многое знал и о ней, и о том, чье письмо только что перевел. Екатерина Александровна Максимова, 36 лет, из семьи чиновника, родилась в Петрозаводске, имеет мать, двух братьев и трех сестер, училась в Ленинградском институте сценических искусств имени Вивьена, но потом, чтобы помочь семье, пошла аппаратчицей на завод «Точизмеритель» и дослужилась до начальника цеха. С автором письма она прожила пять лет, прежде чем вышла за него замуж. Спустя шесть месяцев муж уехал, и вот уже который год сотрудники его ведомства передают женщине деньги и продукты и время от времени читают ей письма: «Мне так тебя не хватает... Ты для меня все... Я тебя люблю...»

Женщина взглянула гостю прямо в глаза:

— Скажите, он действительно вам так нужен?

Гость ничего не ответил — правила есть правила: Рихард Зорге давно стал государственной тайной, его жена должна это понимать и делать вид, что не догадывается, почему его молчание будет долгим.

Гость ушел, за окнами стемнело. Падал снег, а Екатерина Александровна Максимова все сидела за столом и вспоминала другую — весеннюю, солнечную Москву. Цвета си-

Зорге — государственная тайна. Его жена должна понимать это и делать вид, что не догадывается, почему молчание Рихарда будет долгим

Она знала французский, муж писал по-немецки, поэтому переводил гостя: мерно стучали часы, женщина сидела за столом сложив руки на груди, а мужчина с жестким военным лицом деревянным голосом зачитывал текст:

— «Моя любимая Катюша! Теперь я снова в большом городе с высокими домами. Все прошло гладко, и я рад, что оказался здесь. Однако долго тут не задержусь. Отложил для тебя маленький чемоданчик с кое-какими вещами. Но не могу сказать, когда ты их получишь и получишь ли вообще... Будем надеяться, что это произойдет. Буду стараться, чтобы ты время от времени получала от меня известия. Но если ждать придется долго, не волнуйся обо мне. Это время закончится, и все будет хорошо. Я очень, очень много думаю о тебе. Даже представить не мог, что такой старый парень, как я, настолько сильно привяжется к человеку. Следи за собой и береги себя...»

Женщина залилась краской и сказала, глядя в стол:

— Вот еще, какие нежности...

Покраснел и человек с военным лицом, он откашлялся и

рень, из сотен репродукторов неслась музыка. Улицы, казалось, отданы во власть влюбленных: всюду юноши в футбольках, широких брюках, девушки в платьях в цветочек, на тех и других — парусиновые тапочки, начищенные зубным порошком. Гуляли и они с Рихардом. Он рассказывал ей о своем детстве. Семья немецкого нефтяника жила в Баку, но русская мать учила пятерых детей православным молитвам. Когда семья переехала в Германию, отец разрешал им говорить только по-немецки. Русскому пришлось учиться заново спустя несколько лет, в Москве, где он и познакомился с Катей.

Они часами бродили по улицам, и Зорге без конца повторял:

— Я никогда к этому не привыкну... Город влюбленных! Чему ты улыбаешься?

— Ты как ребенок. Они просто хотят быть счастливыми и верят, что так и будет.

— А ты не веришь?

— Не знаю. Не каждому дано встретить человека своей жизни.

— А может быть, этот человек совсем рядом?

— Может быть...

О своей работе он ничего не рассказывал — а она и не спрашивала.

Потом они пришли в ее коммуналку — длинный темный коридор с висящими на стенах тазами и обшарпанными шкафами, маленькая комната с единственным окном... Рихард прожил здесь всего полгода, а она вот уже семь лет не может забыть его и не хочет устроить свою судьбу.

В Москве стемнело. «Катя, можно я возьму ваш примус?» — окликает Екатерину Максимову стряпающая ужин соседка. А в Токио уже утро, и тот, о ком она думает, начинает свой новый день.

Светлый костюм, до блеска начищенные ботинки, безкоризненный галстук — доктор Зорге спешит на ежедневный доклад в немецкое посольство. Он знает о Японии и японцах больше любого другого европейца, его шифровок ждут и в ведомстве Риббентропа, и в политической разведке у Шелленберга. Платой за доверие советскому резиденту Рамзаю (один из псевдонимов Зорге), который считался в рейхе лучшим знатоком современной Японии, было то, что разведуправление РККА всегда оказывалось в курсе и японских, и немецких тайн. Второй секретарь посольства Ганс Отто Мейснер любезно улыбается доктору Зорге, пропускает его вперед и в который раз дивится связям и возможностям этого рослого, неприятного, с цепким взглядом человека.

— Спасибо, что помогли с пропуском, Рихард, я давно мечтал осмотреть этот храм. Как вам удалось получить его? Ведь это закрытая зона, а желтый полковник из жандармерии — настоящий монстр!

— Бросьте, Мейснер, Каваи отличный парень. Его жена обожает французскую косметику, а сам полковник часто заглядывает на мои мальчишники. Кстати, почему вы до сих пор не были на моей шхуне? Теперь мы с друзьями устраиваем наши маленькие праздники прямо в открытом море! В субботу приезжайте к шести вечера прямо в порт.

...Во время этих вечеринок спрятанный в трюме радист связывался с Москвой, и присутствие японского полицейского и немецкого дипломата во время сеанса радиосвязи в следующую субботу было бы для Зорге безупречным прикрытием.

Посол, генерал-майор Эйген Отт, встретил доктора Зорге с распростертыми объятиями:

— Дорогой Рихард, час назад мне позвонил сам министр и лично поблагодарил за точные прогнозы. Вы мой добрый гений — без вас я не разобрался бы, что на уме у наших узкоглазых друзей...

Зорге вежливо улыбнулся — еще одна маленькая победа, теперь посол зависит от него немного больше. Это, конечно, хорошо, жаль, перспективы не имеет: несколько дней назад уполномоченный гестапо Мейзингер обмолвился, что японские коллеги заказали в рейхе новейшую аппаратуру для радиопеленгации, а все три местные секретные полиции тут же усилили слежку за иностранцами.

Охота началась, ее финал предопределен. Рано или поздно за ним придут — это может произойти уже через неделю после того, как немецкие спецы научат японских коллег обращаться со сложной техникой, а может, и затянется на несколько месяцев. Но в конце концов контрразведка вычислит его группу. Пора уходить: он ликвидирует

Через шесть месяцев после свадьбы
Екатерина Александровна Максимова осталась одна —
командировка Рихарда растянулась на годы...

золушиями, начертанными синим карандашом: «Ознакомлен. И. В. Сталин». Там же была и просьба Зорге об отпуске с визами непосредственного начальства, копии уведомляющих писем в ЦК и НКВД и длинный ответ начальника иностранного отдела НКВД комиссара госбезопасности Фитина: «По нашим данным, немецкий журналист Зорге Рихард является немецким и японским шпионом, поэтому сразу же после пересечения государственной границы СССР он будет арестован советскими органами».

Правда, на всякий случай он страховался, добавляя в примечаниях: «...источник не пользуется полным нашим доверием...» Впрочем, несмотря на явную немилость вождей, отказываться от услуг своего лучшего резидента разведуправление не собиралось — Зорге называли «курицей, несущей золотые яйца». О том, что Германия и Япония приступили к переговорам, Зорге сообщил за несколько месяцев до того, как был заключен антикоминтерновский пакт. Он точно предсказал и время, и исход переполошившего весь мир «путча молодых офицеров»... Советская разведка нашла выход — она включила сообщение агента Рамзая в общие сводки, но не назвала источник сведений.

Во время морских прогулок радист связывался с Москвой. Присутствие на яхте немецкого дипломата было для Зорге отличным прикрытием

свои дела, возьмет отпуск в газете, устроит банкет для сотрудников посольства, купит билет на пароход до Германии — а отправится в Москву. Вслед за ним исчезнут все остальные иностранцы, работающие в его группе, а японцы затаятся — до тех пор пока доктора Зорге не сменит другой резидент...

Солнце играло на хрустале и полированной бронзе письменного прибора, стоявшего на столе Эйгена Отта. Зима 1940 года в Токио выдалась на удивление теплой. Выхода от посла, Зорге знал, что вскоре Германия нападет на СССР, и это уже необратимо.

...А в Москве шел мокрый снег, за окнами совсем стемнело, и человек, которого несколько часов назад Екатерина Максимова угощала чаем с баранками, разбирает большие картонные папки — на одной было выведено слово «Зорге». Он работал в военной разведке и руководил отделом, занимавшимся Дальним Востоком, вскоре ему предстояло уехать в дальнюю командировку и увидеть Зорге своими глазами.

Умный, искушенный в аппаратных войнах офицер отлично знал связанную с Зорге интригу — у военной разведки не было лучшего агента, но Сталин относился к нему с большой антипатией. Некий берлинский резидент донес в Центр, что на одном из дипломатических приемов Зорге вышучивал Иосифа Виссарионовича. Таких вещей Хозяин не прощал...

В папке лежали расшифровки сообщений из Токио с ре-

... Папки снова улеглись в сейф, офицер навел в столе порядок и выключил настольную лампу. Сталин страдал бессонницей, и в военной разведке тоже работали по ночам. Офицер вышел из управления с тяжелым сердцем: он ехал работать с человеком, на котором партия поставила крест, связь с Рихардом Зорге могла погубить и его... Екатерина Александровна Максимова спала, видя во сне мужчину своей жизни.

День приближался к концу и в Токио. Зорге в это время приканчивал бутылку кальвадоса и думал о том, что больше он, пожалуй, никогда не увидит свою жену — нельзя уезжать, не выяснив даты вторжения.

Посол Эйген Отт собирался нырнуть под пуховое одеяло, под бок к читающей детектив жене. Только что гестаповец закончил отчет начальству, где Зорге характеризовался самым положительным образом — оберштурмбаннфюрер Мейзингер рекомендовал его на должность шефа японского отделения НСДАП. Каждый из них знал своего Зорге, лишь отчасти совпадавшего с его подлинным обликом.

В юности Рихард был патриотом великой Германии: не закончив школы, ушел на фронт, получил ранение и экзамены за курс реального училища сдал в военном госпитале, а затем отправился на русский фронт. Попав под пулеметную очередь, он три дня провисел без чувств на колючей проволоке. Когда его рота продвинулась на сто метров вперед и заняла передовую линию русских окопов, камрады

человек, и начальник одного из советских учреждений уже давно взял его на заметку.

Они похожи — ответственного работника такой же высокий лоб, четко очерченный рот, прямой взгляд. На обоих заглядываются женщины, оба верят в коммунизм, как христианин в рай, но Зорге ходит в штатском, а человек, приехавший в Клуб немецких коммунистов послушать его выступление, носит гимнастерку с большими ромбами. Ян Карлович Берзин руководит советской военной разведкой. После того как Зорге закончил говорить, Берзин попросил Рихарда уделить ему несколько минут, и их беседа положила начало долгой цепи событий. Товарищ Берзин угадал — собеседник оказался идеальным кандидатом в разведчики.

В двадцатые годы западный мир впал в глубокую спячку: Германия побеждена и разорена контрибуциями, Франция и Англия, потеряв в войне слишком много молодых людей, боялись новой крови. Никто не желал новых потрясений, и только в далекой непонятной России все было по-другому.

Берлинский резидент донес в Центр, что на одном из приемов Зорге вышучивал Сталина. Таких вещей Хозяин не прощал

заметили, что Рихард еще дышит, и отнесли его в госпиталь. На сей раз Зорге комиссовали вчистую (после операции одна нога стала короче на два сантиметра) и выбросили кавалера Железного креста в гражданскую жизнь — без денег и надежды найти работу.

Бывший рядовой артиллерийского полка с головой нырнул в берлинский омут: ковьяляющие на обрубках инвалиды войны, заполонившие столицу проститутки, ораторы, спекулянты, делающие деньги из воздуха, грузовики с революционными матросами, гвардейская пехотно-кавалерийская дивизия, железной рукой утихомирившая мятежную столицу... Революция в Германии началась и кончилась, а в Хамовническом райкоме ВКП(б) стал на партучет человек по фамилии Зорге.

О том, как он стал коммунистом, говорят разное. В 1919 году Рихард вступил в Компартию Германии — Зорге был человеком идеи и мечтал послужить правому делу. Его видят то в Золингене (он редактирует коммунистическую газету), то в Аахене (он работает шахтером и ведет красную пропаганду), то в Берлине, на съезде КПГ: Зорге обеспечивает безопасность пробравшихся в Германию товарищей из России — Мануильского, Куусинена и Пятницкого.

На повестке дня — мировая революция. Штаб ее находится в Москве. Зорге едет в Россию и там начинает писать. К тому же он еще ученый, дипломированный политолог, специалист в области юриспруденции, жадный книголюб и жесткий аналитик. Словом, Рихард Зорге — незаурядный

С помощью этого радиопередатчика Москва получала от Рамзая шифровки

Комната Зорге в Японии

В московские гостиницы вселялись идеалисты со всех концов мира — они приезжали в СССР по подложным паспортам, новые приятели знали их под фальшивыми именами. Зерно и серебряные оклады с икон, картины из Эрмитажа и бесценные безделушки Фаберже из коллекций купцов и знати, превращаясь в доллары, растекались по всему свету — мировой революции требовалось горячее. До поздней ночи не гас свет в Кремле, горели окна в зданиях НКВД и военной разведки — страна социализма хотела знать все тайные замыслы империалистов.

Вступавший в этот мир должен быть собран и бдителен. Ему предстоит, порвав с прошлым, начать новую жизнь и быть абсолютно честным со своими — по отношению к чужим никаких моральных норм не существовало. Зорге знал, чего от него требовал партийный долг, и противники, с которыми ему предстояло иметь дело, оказались беззащитными перед его умом, обаянием и организационной хваткой советской разведки.

В те времена не существовало компьютеров, и, для того чтобы найти нужную фамилию, тайной полиции приходилось перелопачивать сотни ящиков в картотеке, посылать почтовые запросы, потом сличать фамилии и фотографии — для такой кропотливой работы на Западе просто не хватало людей. Поначалу с этим не справлялись и в нацистской Германии — обычный штат гестапо в средней величины городе состоял из пяти-шести человек. И Зорге путешествовал по миру под собственной фамилией — он надеялся,

что о молодом коммунисте, агитировавшем гамбургских рабочих десять лет тому назад, в Германии забыли.

Представительный голубоглазый господин в элегантном белом костюме — во всем видны стиль и тевтонская порода, никому и в голову не придет связать его с большевистской Москвой — приезжает в Шанхай, затем — в Германию, обрастает знакомствами, флиртует. Новые друзья считают его талантливым журналистом и международным плейбоем, современным воплощением Дон Жуана, Казановой, получившим академическое образование, обожающим американские сигареты и мощные автомобили. Такого же мнения придерживался и работавший в Шанхае американский консул — он и подумать не мог, что в доме, который сдает другу милого Рихарда, работает мощный советский радиопередатчик.

Двое видных берлинских журналистов, старые члены НСДАП, рекомендовавшие Зорге в партию, также не подозревали о том, что их подопечный еще недавно исправно платил членские взносы в ВКП(б) — гестапо схалтурило и не стало проверять их протеже. Доктор Геббельс, присутствовавший на прощальном обеде (Зорге чествовал берлинский пресс-клуб), пожелал ему счастливого пути и больших успехов в Японии — рейхсминистру, разумеется, и в голову не приходило, что он почти дословно повторил слова Яна Карловича Берзина.

Зорге не зря налаживал связи с берлинскими редакциями и очаровывал влиятельных нацистов — в Токио он приехал

видным немецким журналистом, щеголявшим партийным значком. На первом же посольском приеме его представили жене Эйгена Отта — и оба вскрикнули от удивления.

Токийская и берлинская резидентуры НКВД отметили это в своих донесениях: «Агент Рамзай морально неустойчив, спиртное и женщины занимают в его жизни слишком большое место. Он сожительствует с женой германского посла и его секретаршей, фрейлейн Гааз, его дом часто посещает японская танцовщица, и он, по слухам, оплачивает ее обучение в университете. Рамзай устраивает вечеринки с выпивкой для нацистских дипломатов и японских поли-

Давным-давно, когда они оба были молоды, девушка увлекалась идеями Маркса и спала с красивым, слегка прихрамывающим, худым, голубоглазым студентом. Потом он исчез, а она, оказывается, так и не смогла его забыть. Минули годы, девушка превратилась в даму, жену дипломата... Фрау Отт немедленно познакомила Зорге с мужем.

Так начался этот странный роман — посольские чиновники, посмеиваясь, называли его «браком вчетвером». Отт был осведомлен, что его жена спит с Зорге, жена знала о секретарше, секретарша — о фрау Отт и о том, что герр Отт в курсе их взаимоотношений.

НКВД отметил в своих донесениях: «Агент Рамзай морально неустойчив, спиртное и женщины занимают в его жизни слишком большое место»

цейских, его часто видят в районе публичных домов, и он хвастается своими похождениями...»

Сотрудники военного разведуправления аккуратно подшивали к личному делу Зорге копии этих шифровок. А фрау Отт могла бы, пожалуй, прибавить и другие, более пикантные подробности.

Когда их представили друг другу, жена посла слегка покраснела:

— Милый Рихард!

— Я часто вспоминал вас, дорогая фрау Отт...

А Зорге был в курсе всего, что посол узнавал от своего начальства, — сначала от его супруги, а позже и от самого Отта. Генерал-майор считал себя человеком широких взглядов, больше всего на свете ценил внешние приличия и потому подружился с Зорге. К тому же Рихард был очень полезен: с его помощью Отт писал весьма дельные доклады.

В Токио и Берлине Зорге доверяли. (Рамзай не знал, что чужие верят ему больше своих.) Он рассчитывал, что рано или поздно узнает дату нападения, направление главных ударов, число и состав предназначенных для вторжения

Шеф японского ФБР Митусабэ Йошикава дает показания по делу Рихарда Зорге (9 августа 1951 г.)

Японка тронула его за плечо: «Рихард... Они уговаривали следить за тобой и докладывать им, с кем ты встречаешься, куда едешь»

дивизий, он собирался выполнить свой долг, но погибать ему не хотелось. Исии Ханакэ, японская подруга Зорге (Рамзай оплачивал учебу в университете нищей танцовщицы), позже рассказывала, что однажды проснулась от плача Рихарда Зорге.

- Что с вами, Рихард?
- Я так одинок, девочка, так одинок... Здесь я никому не могу доверять, те, кому я дорог, далеко. Я очень устал, боюсь, мне не выдержать больше...
- Японка тронула его за плечо:
- Рихард...
- Спи, девочка, еще ночь.
- Но ты же не спишь.
- Нужно дописать отчет.

- Пиши. А я буду смотреть на тебя. Я только что видела это во сне. Ты работаешь, а мы двое смотрим на тебя. Вот так, не моргая.
- Кто же второй?
- Вторая — луна. Вон, за окном. Видишь? Она смотрит на меня и думает: счастливица Исии — рядом с ней человек ее жизни.
- Что-что?
- Тебе понравилось то, что я сказала, правда? А вот им — нет.
- Кому «им»?
- Тем, кто недавно со мной беседовал. Они уговаривали следить за тобой и докладывать им, с кем ты встречаешься, куда едешь.

**Резидент находился на грани срыва.
В один прекрасный день мотоцикл Зорге
на полной скорости врезался в бетонную стену
и Рихард очутился в японской больнице**

разведки, давно присматривающейся к Зорге, — тот пришел сюда по долгу службы и старался подметить решительно все. Макс Клаузен, радист разведгруппы, тем временем поставил на стол маленький, помешавшийся в портфеле аппарат и настраивал его в каюте для экипажа (Зорге объяснил гостям, что ее только что покрасили и туда лучше не заходить). В это время немецкая радиопеленгационная станция поймала сигналы, несущиеся почему-то из открытого моря.

1 июня на стол начальника разведуправления легла расшифровка:

«Берлин информировал своего посла в Японии Отта, что немецкое наступление против СССР начнется во второй половине июня.

Наиболее сильный удар будет нанесен левым флангом германской армии.

Отт совершенно уверен, что война скоро начнется, поэтому он потребовал от военного атташе не посылать никаких важных сообщений через территорию СССР.

Технический департамент германских воздушных сил в Токио получил указание возвратиться в Германию».

Через полторы недели Зорге уточнил дату — война нач-

Зорге уточнил дату — война начнется 22 июня. Но Центр потребовал подтверждений, и Рихард пришел в негодование. Он понял, что ему не верят

— Ну и чем же все закончилось?

— Ты еще спрашиваешь! Я сказала, что не буду этого делать, что ты — человек моей жизни... Рихард, да что с тобой? Где ты? Словно привидение увидел...

Зорге действительно не видел ее. Сейчас он был в другой стране и в иное времени. Вокруг шумела, пела и смеялась солнечная весенняя Москва, а рядом шла другая женщина — он уже начал забывать ее лицо... Но в ушах звучал нежный голос: «Не каждому дано встретить человека своей жизни».

Зорге потер виски, отгоняя наваждение, сел за стол и принялся за работу.

На следующий день, 30 мая, он снова был в немецком посольстве, где встречался со своим агентом, советником японского премьера принца Коноэ, выдержал истерику секретарши посла, отчаянно его ревновавшей, расспросил ее о содержании последних берлинских шифрограмм. Вечером маленькая рыбацкая шхуна Зорге, переделанная в яхту, вышла в открытое море. На борту пели и пили, уполномоченный гестапо обнимался с Бранко Вукеличем, корреспондентом агентства «Гавас», хорватом с французским паспортом, членом разведгруппы, специализирующимся на связях с западными посольствами.

Одзак Ходзуми, советник и друг принца Коноэ (будучи убежденным левым, он считал, что война погубит Японию), мило болтал с офицером «кемпетай», военной контр-

нется 22 июня, немецкое командование уверено, что СССР удастся оккупировать по линии Харьков—Москва—Ленинград. Начальник военной разведки (теперь на эту должность назначен генерал-лейтенант Голиков, «врага народа» Берзина расстреляли два года тому назад) получил выговор за то, что его ведомство систематически дезинформирует руководство. Центр потребовал подтверждений.

Зорге пришел в негодование, узнав, что ему не верят. Бывшие члены его разведгруппы вспоминали, что шеф метался по комнате, ероша волосы и повторяя: «Ну, это уже слишком... Это слишком». Он снова попросился в отпуск («Мы сделали все что возможно. Люди на пределе»), но ему опять отказали.

Человек, переводивший Екатерине Максимовой письма мужа, теперь работал в советском посольстве в Японии и видел Зорге на приемах, но их так и не познакомили. Он подкладывал шифровки в известные резиденту тайники, потом вынимал оттуда микрофильмы. При этом атташе и Рамзай не сказали друг другу ни слова. Конечно, он знал, что творится вокруг имени Зорге в Москве, видел, каково ему здесь — резидент находился на грани срыва, вопрос был лишь в том, когда это произойдет.

Со стороны же казалось, что доктор Зорге решил еще раз подтвердить свою репутацию прожигателя жизни. Он носился по Токио на мощном мотоцикле, много пил, аккредитованные в Японии журналисты сплетничали о его амур-

ных похождениях. Это входило в легенду Зорге (кто примет соблазняющего дам из спортивного интереса, любителя кальвадоса за разведчика?), но незаметно игра стала его подчинять — Рихард и впрямь разрушал себя. Это не могло пройти даром: в один прекрасный день Зорге на полной скорости врезался в бетонную стену и со сломанными ребрами и выбитыми зубами очутился в японской больнице.

Из больницы Зорге вышел в гипсе и с перевязанной головой — на неделю раньше, чем рекомендовали доктора: Центр ждал новых донесений. Вскоре Рихард узнал, что за время его болезни жена не получила от московских товарищей ни копейки.

...Женщина сидела за столом, человек в неприметном костюме читал вслух:

— «Пожалуйста, поговори, может ли быть изменена договоренность с моими людьми, чтобы ты действительно имела какую-нибудь помощь. Я готов к любому урегулированию и прошу тебя ни в коем случае не церемониться. Сделай это в любом случае, иначе я буду неспокоен и стану волноваться, не лишена ли ты чего-то...»

Женщина слушала и думала о своем — пытаясь представить, каким он стал, что сейчас делает, вспоминала весеннюю Москву, несущуюся из репродукторов музыку и молодые пары, гуляющие по улицам. За тысячи километров от огромного, не подозревавшего о близкой беде русского города то же самое вспоминал и Зорге — жена давно стала для него символом прежней, полузабытой жизни, о которой он и мечтал, и куда не надеялся вернуться. А война началась, как он и сообщал — в конце июня, и его шифрограмма никому не помогла: резолюция на ее полях была сухой и недодерживой.

У Рихарда оставалось совсем немного времени: пеленгаторы работали все точнее, очень скоро японцы узнали и страну — получатель украденных сведений, и их характер, так что выйти на источник информации стало просто.

Дело шло к концу, и теперь можно только гадать, кто ускорил развязку — видный деятель компартии, связанный и с разведкой, и с НКВД (в семидесятые годы его стали называть еще и агентом «кемпетай»), или молоденькая танцовщица, которую Зорге подsunула японская контрразведка.

Эту версию особенно любят западные авторы — полковник Каваи знакомит друга Рихарда с прелестной девушкой, и тот несколько вечеров подряд появляется в баре, где она выступает. Потом на несколько дней пропадает, но однажды, когда танцовщица заходит в свою гримборную, там оказывается Зорге. Он молча подходит, обнимает ее за плечи, целует, нащупывает выключатель и гасит свет...

Они едут к нему домой. Девушка знает, что в кармане его пиджака лежит записка, которую Рихард не решился при ней сжечь. Он рвет ее на мелкие кусочки и выбрасывает в окошко машины. Улучив минуту, танцовщица звонит из его дома в «кемпетай» и называет участок дороги, где можно найти клочки.

Через несколько дней полковник Каваи приходит к Зорге с полицейскими и показывает ему тщательно склеенный листок — в записке идет речь о скором нападении на Перл-Харбор. Зорге невозмутимо подходит к столу, берет бутылку виски, наливает две рюмки и поздравляет коллегу с успехом.

Отечественные авторы называют эту историю сказкой. Так это или не так, теперь не столь важно.

Советский Союз вспомнил о Зорге через двадцать лет после его казни. И тогда к Рамзаю пришла слава — ему присвоили звание Героя Советского Союза и поставили в Москве памятник

Ииси Ханако, «временная жена» Зорге, считала Рихарда мужчиной своей жизни...

Незадолго до ареста Зорге послал в Москву очередную шифровку. В ней он сообщал, что Япония не планирует нападение на СССР. На этот раз Сталин ему поверил, и эшелоны с дивизиями, снятыми с Дальнего Востока, отправились к столице. Они успели вовремя — немцы уже видели в бинокли кремлевские купола. После прихода сибиряков наступление захлебнулось, и танки Гудериана покатались назад.

А Зорге ждал суд и смертный приговор с отсрочкой казни. Прежде чем он заговорил, его долго пытали, а затем решили сохранить про запас. У японской контрразведки были многовековые традиции допросов с пристрастием, к тому же у нее имелся важный козырь — Ииси Ханако, японская подруга Зорге. Он заговорил — и девушке сохранили жизнь и свободу. Теперь полковник Каваи узнал, что Зорге сообщил московскому начальству.

Руководство японской контрразведки решило, что ради такого ценного агента Москва пойдет на многое. Зорге можно выгодно обменять...

Рихард Зорге сидел в военной тюрьме, прочитывал по несколько книг в день и до последнего момента верил, что Родина его не забудет и обменяет на кого-нибудь из японских разведчиков. Он часто вспоминал весеннюю праздничную Москву и прекрасное лицо жены — Зорге был убежден, что товарищи из разведуправления о ней позаботились.

На самом деле НКВД арестовал Катю примерно через год после ареста Зорге, несколько месяцев ее продержали в тюрьме, потом отправили в ссылку. Она умерла под Крас-

Руководство японской контрразведки решило, что ради ценного агента Москва пойдет на многое. Зорге можно выгодно обменять...

ноярском, в Большой Мурте. Медсестра местной больницы написала ее матери, что Екатерину Александровну погубила не столько болезнь, сколько слабость и недоедание: «Иногда у нее со слезами срывался вопрос: за что? Иногда она говорила, что хочет только увидеть мать... 450 рублей, оставшиеся после смерти, израсходовали на могилу, похороны и крест».

Перед высылкой Кате сообщили, что с ее мужем по-прежнему все в порядке — с этим она и умерла. Веря, что у жены все хорошо, пошел на виселицу и Зорге.

Перед казнью в советском посольстве был прием, и на нем присутствовал японский министр иностранных дел Сигэмицу. Работавший с Зорге атташе, в прошлом часто приходивший к Кате с письмами и продуктами, вспоминал, что японец вел себя как-то странно — явно ждал какого-то намека, долго говорил о японском благородстве и ушел из посольства озадаченным. В 1944 году измотанная американскими бомбежками Япония была готова отдать Зорге угрожающим с севера Советам, но Сталин сказал, что человека по имени Зорге он не знает. С агентом Рамзаем был связан его роковой просчет, и тому лучше было исчезнуть.

К виселице шагнул поседевший и полуслепший в тюрьме человек, но Ииси Ханако запомнила Зорге другим.

Мужчины его не любили — он был чересчур саркастичен и резок, но женщины сходили с ума от его голубых глаз (порой они становились удивительно нежными) и от исходящего от него ощущения надежности. Ииси Ханако, «временная жена» Зорге, считала его мужчиной своей жизни, Екатерина Максимова до конца верила, что муж к ней вернется.

Советский Союз вспомнил о Зорге через двадцать лет после его казни. Говорили, что органы безопасности таким образом стремились повысить свою популярность; по другим сведениям, Хрущеву о Зорге рассказал побывавший в Японии Гагарин.

И тогда к Рамзаю пришла слава — на его могиле поставили памятник, присвоили звание Героя Советского Союза и написали о пламенном интернационалисте много правительственных книг. Екатерину Александровну Максимова в 1964 году посмертно реабилитировали, но ее могила так и осталась безвестной.

Алекс Макдермотт